

ИССЛЕДОВАНИЕ • ОБЩЕСТВО

«Уходят те, по кому “доказуха” железная»

Об уходе на фронт из СИЗО задумываются даже антивоенные политзэки, а опера́ активно вербуют преступников, чтобы избавиться от «лишней писанины»

Призывной пункт во время мобилизации, Батайск, Ростовская область, Россия, 26 сентября 2022 года. Фото: Аркадий Будницкий / EPA-EFE

08:29, 30 сентября 2024,

Катя Орлова

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

25 сентября Госдума приняла очередные поправки в уголовный и уголовно-процессуальный кодекс и фактически завершила юридическое закрепление практики, по которой правосудие заменяется на участие в «СВО». Теперь уйти на фронт можно на любой стадии уголовного процесса: от момента задержания до попадания в колонию. По сути вербовка стала рутинной, с которой сталкивается каждый, кто попадает в систему уголовного преследования. «Новая газета Европа» поговорила с полицейскими, адвокатами, обвиняемыми и их родственниками и рассказывает, как устроен этот процесс и почему он оказался выгоден почти всем участникам.

Имена героев текста скрыты или заменены, чтобы не подвергать их опасности.

В одном из московских СИЗО уже больше 6 месяцев сидит Дмитрий. Ему 36 лет. «На воле» он занимался музыкальным творчеством и даже зарабатывал этим на жизнь. Кроме этого, он продавал наркотические вещества, за что и оказался в изоляторе. «Я был достаточно успешным в своей области. Но увлекся [наркотиком], — рассказывает Дмитрий. — Много из того, в чем меня обвиняют, — правда, но я не думал, что за это может быть такое строгое наказание, — говорит он. — Меня осудили за продажу наркотика, который легализован во многих странах. Я признался, а меня всё равно осудили как наркобарона какого-то».

Из-за того, что Дмитрий признал вину, суд над ним прошел достаточно быстро, но приговор был суровым. «Мне дали больше 10 лет строгого режима, думаю, что это несправедливо.

Тяжело воспринял, до сих пор в расстроенных чувствах, — делится мужчина. Именно это и побудило его задуматься о том, чтобы уйти воевать с Украиной. — Общее ощущение бессилия перед суровым приговором давало повод задуматься о том, что вообще-то это неплохое решение».

В конце сентября 2024 года Государственная Дума приняла еще два законопроекта о возможности освобождения от уголовной ответственности людей, которые совершили преступления, если они подпишут контракт с Минобороны и пойдут на войну. По словам авторов поправок, они просто заполняли пробел в законодательстве: если сначала на войну могли уйти люди, уже осужденные, отбывающие наказание в тюрьме, то сейчас на фронт приглашают на любой стадии уголовного преследования. Сделать это предлагают и полицейские сразу после задержания, и в СИЗО, и в судах на стадии следствия и рассмотрения дела.

Практика, которая начиналась как блокбастер, когда лидер наемников Евгений Пригожин лично приезжал в колонии на вертолете среди ночи и вербовал заключенных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, уехать на «СВО» и «вернуться героями», за два года превратилась в рутину, с которой сталкивается любой, кто попадает в российскую систему правосудия.

Евгений Пригожин. Кадр из видео, опубликованного в Telegram-аккаунте razgruzka_vagnera 22 августа 2023 года. Фото: Telegram / @razgruzka_vagnera / AFP / Scanpix / LETA

Вербовка

Дмитрий решил написать заявление об уходе на фронт после разговора с сокамерниками. Идея о том, что надо пойти на войну, всплывает сразу, как только человек попадает в изолятор как будто из ниоткуда. «Это уже обычное дело: как только пришел, надо обязательно написать ходатайство в военкомат, что готов служить», — передает адвокат Дмитрия настроение заключенных в изоляторах.

Дальше к тем, кто подал прошение, приходят мужчины в военной форме из военкомата. Они вызывают на разговор тех, кто написал заявление о призыве на службу, или тех, у кого есть боевой опыт. Отправка не происходит мгновенно, некоторым заключенным по разным причинам отказывают в уходе на фронт. «Многие мои сокамерники пишут каждый месяц в приемный пункт на [улице] Яблочкова (единственный приемный пункт для отправки в армию в Москве. — Прим. «**Новой-Европа**») — просят ускорить рассмотрение их заявления на контракт», — говорит Дмитрий.

Вербовкой сейчас занимаются и сотрудники правоохранительных органов: от полицейских до оперов и следователей.

«Вербовать на войну задержанных нам поручили примерно в марте нынешнего года», — рассказал «Новой-Европа» сотрудник уголовного розыска одного из управлений МВД в Ленинградской области Алексей М. В августе телеграм-канал Ваза [написал](#), что в некоторых регионах полицейским предлагают премию за каждого задержанного, подписавшего контракт с Минобороны. Полицейские, с которыми поговорила «Новая-Европа», таких премий не получают, но у них есть другие причины активно участвовать в вербовке.

«Необходимым условием, чтобы задержанного отправили на СВО, является признание вины. Вот и получается, что те, кто соглашается уехать в Украину, повышают статистику раскрытия преступлений (признались же!), — откровенно делится сотрудник Управления уголовного розыска ГУ МВД по Петербургу Александр С.

— Для сотрудников полиции, работающих “на земле”, то есть в территориальных отделах и управлениях, это распоряжение просто как манна небесная. В первую очередь потому, что существенно меньше писанины. Во-вторых, вообще работы меньше. Задержанный пишет признанку, затем заявление о направлении его на СВО, и на этом дело закончено, а статистика при этом повышается, что несет определенные дивиденды. Премии, поощрения, внеочередные звания, повышения».

Рекламный щит в поддержку вооруженных сил России в Подольске, Московская область, Россия, 27 июня 2023 года. Фото: Максим Шипенков / EFA-EFE

Норма о необходимости признания вины не содержится в федеральном законодательстве. Сами полицейские рассказали «Новой газете Европа», что распоряжение вербовать задержанных на войну в Украине закреплено в ведомственном приказе, который в управлениях полиции мало кто видел.

А вот следователи выступают звеном в уголовном процессе, которому невыгодно отправлять подозреваемых на фронт. «Показатель хорошей работы следствия — это выход дела в суд. Поэтому при заключении контракта на ранних стадиях у них летит статистика. Они недовольны, — объясняет адвокат Елизавета. При этом стратегия следователей в том, чтобы просто отложить момент принятия решения об уходе на войну. — При получении ходатайства о желании заключить контракт [следователи] стараются положить его под сукно и максимально затянуть, чтобы завершить дело и направить в суд, а там — уже дело судьи».

КАК ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОТПРАВЛЯЛИ НА ВОЙНУ. ТАЙМЛАЙН

В **июне 2022** года стало **известно**, что Евгений Пригожин ведет вербовку заключенных для участия в войне.

Никаких правовых оснований ни для вербовки заключенных, ни для освобождения их из мест лишения свободы не существовало. Владимир Путин секретными указами лично подписывал помилования для преступников, которые готовы были присоединиться к ЧВК «Вагнер». По неформальным договоренностям, освобожденные из колоний должны были отслужить шесть месяцев в штурмовых отрядах, после чего получали полную свободу. Путин **признал**, что помиловал ушедших на войну заключенных только летом 2023 года.

В **сентябре 2022** года стало **известно**, что неофициально вербовкой занимается и само Министерство обороны из самых строгих «красных» колоний, параллельно с ЧВК «Вагнер». К концу года Пригожин **лишился** своего неформального права набирать заключенных в ЧВК «Вагнер», и оно осталось только за военным ведомством.

В **июне 2023-го**, спустя год после фактического начала вербовки заключенных на фронт, Госдума приняла **закон**, который по сути впервые дал правовую рамку для освобождения преступников из-под стражи. В законе появилась норма об «условном освобождении» заключенных, которые заключили контракт с российской армией. Тот же закон разрешил вербовать на войну людей на стадии следствия. Помилования ушедших на войну преступников прекратились. С этих пор заключенные или обвиняемые могут быть

освобождены от ответственности только при получении награды, или при увольнении со службы из-за ранения, или по окончании срока СВО. Контракт с армией для заключенных стал бессрочным, их больше не отпускают после 6 месяцев службы. Эти изменения позже были **закреплены** в качестве поправок УК и УПК, а специальный закон об уголовниках на «СВО» отменен.

Начиная с **сентября 2024** года уходить на войну могут заключенные на любой стадии уголовного процесса — из колонии, после оглашения приговора, на стадии следствия и теперь — прямо во время судебного разбирательства. Формально освобождение от уголовной ответственности происходит только когда контрактник получил государственную награду или завершил контракт в связи с окончанием военных действий.

«Что ж вы так не торопились с воли пойти добровольцами»

В группе СИЗО «Кресты» «ВКонтакте» можно найти несколько десятков недавних записей и комментариев от родственников арестованных о том, что те собираются уходить воевать. Среди вопросов о документах и вещах встречаются и другие — например, о том, как **развестись** так, чтобы супруга не узнала, а то в случае ранения или смерти выплаты уйдут ей.

Пожилая женщина Елена рассказала, что ее сын Евгений отправился на фронт сразу после вынесения приговора из СИЗО, не успев уехать в колонию, и погиб там во второй половине июля. Евгений тоже был осужден по «наркотической» статье 228 УК, ему дали 11 лет.

«Он ушел 3 июня, я успела с ним проститься, — рассказывает его мать Елена. — Женя очень боялся, что опоздает и война закончится без него. Сын был замечательный, но эти гребаные наркотики... Когда ему дали 11 лет, он сказал, что пойдет воевать, там есть шанс, а в тюрьме ему не место. Он не знал, милый, что шанс этот мизерный!»

Мать погибшего осужденного рассказала, что на войне он был командиром взвода, из которого «почти никого не осталось». Несмотря на это и на то, что Евгений погиб, его мать восхищается его подвигом и говорит, что сын погиб героем: «Женя думал, что ему повезет. Конечно, мы говорили, что [там опасно], но он решил по-другому. Подписал контракт и пошел. Сейчас всех берут, лишь не было СПИДа и сифилиса. Я горжусь своим сыном. Он погиб героем. Он знал, куда идет. Мне бы теперь найти его, чтобы похоронить. Там такое месиво на поле боя, что очень трудно это сделать, надеемся, что жетон на нем!»

У другой женщины, Анастасии, на войне погиб муж, тоже осужденный по 228 статье. Он оставался в СИЗО, в хозяйственном отряде, куда обычно сложно попасть — туда берут только заключенных с примерным поведением, потому что условия там лучше, чем в колонии. Погибший был осужден всего на три года за хранение психотропных веществ, но уже через полгода после приговора подписал контракт, хотя родственники его отговаривали. «Не знаю, было там давление на них или нет, но он уходил счастливый! Не слушал никого!» — говорит его вдова.

Мужчины, одетые в военную форму, отдыхают на скамейке в центре Москвы, Россия, 27 июня 2023 года. Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

Родственники уже погибших эков много говорят о том, что уйти на войну их подтолкнул патриотизм, но сами заключенные, с которыми поговорила «Новая-Европа», не замечают особенно патриотических настроений среди сокамерников. «[Они] относятся к [войне] так, как велит пропаганда, и говорят штампами. Поэтому невозможно обсуждать ничего такого [всерьез обсуждать войну], — говорит Дмитрий о тех, с кем сейчас сидит в московском СИЗО. — Даже оперативники ухмыляются [в адрес тех, кто спешит заключить контракт], мол, “что ж вы так не торопились с воли пойти добровольцами”.

Многие честно отвечают: “Так сейчас это шанс уйти на волю, да еще и с деньгами”».

Подписать контракт хотят даже антивоенные

По рассказам адвокатов, которые занимаются защитой людей по политическими делам, об уходе на войну задумываются даже те, кто оказался в заключении за «дискредитацию российской армии». «Один мой подзащитный, который находится в петербургском СИЗО [как раз по такой статье], настолько пал духом и невероятно болезненно переживал заключение, был совершенно не готов сидеть, что собрался любой ценой выйти, просто чтоб покинуть тюрьму, несмотря на то, что он абсолютно антивоенный, — рассказывает Елизавета, которая защищает политических заключенных. — Мне стоило много нервов и усилий, чтоб отговорить его от этого губительного решения». В итоге в армию он не пошел.

«Для меня это было принципиально. В его ситуации с не тяжелой статьей и вероятностью наказания, не связанного с лишением свободы, это было бы очень глупо, даже если не брать моральную сторону», — подытоживает защитница.

Она рассказывает, что

в СИЗО его охватил «такой глубокий шок от самого факта заключения, осознания краха своей жизни», что он хотел это прекратить любым способом:

«Что угодно, только не сидеть. К тому же у него были идеалистические представления о контракте, мол, что он попросится фельдшером или поваром, хотя ни лечить, ни готовить не умеет», — продолжает Елизавета.

Архивное фото заключенных, выглядывающих из-за решетки на окне камеры в Крестах, Санкт-Петербург, Россия. Фото: Антон Ваганов / REUTERS / Scanpix / LETA

Несмотря на то, что, по собственному признанию адвоката, у нее «очень специфические» подзащитные, статьи которых подразумевают резкое неприятие войны и контрактов, в их окружении все — и сокамерники, и попутчики — желают «выйти из тюрьмы любой ценой». У другого ее подзащитного в СИЗО «Кресты» в Санкт-Петербурге единственный сосед по камере — обвиняемый в мошенничестве интеллигентный юрист, и тот собирается на фронт: «Люди со статьей о преступном сообществе (210 УК) пишат на имя [главы Следственного комитета Александра] Бастрыкина, чтобы с них сняли эту статью, потому что с ней нельзя заключить контракт. По наблюдению [подзащитного], [после принятия поправок] тюрьма опустеет — все законтрактуются».

Дмитрий рассказывает, что СИЗО шокирует и дезориентирует, даже когда речь не идет про специально применяемые пытки

или издевательства. «Поначалу в изоляторе было непривычно, в основном от большого количества людей в камере. Постоянный контроль и присутствие рядом не давали возможности уединиться и подумать».

Уехать соглашается 30%

Но оценки полицейских о том, какое число сидящих в СИЗО действительно готовы идти на войну, несколько расходятся с оценками адвокатов. «Никакой статистики не имеется, но, лично по моим ощущениям,

уехать на войну соглашаются около 30% задержанных за тяжкие и особо тяжкие преступления.

А если совершенное преступление не особо тяжкое (кража, мелкое мошенничество, самоуправство, даже грабеж, но не в составе группы), то [на моем опыте] подозреваемые сразу отказывались», — говорит Александр С. из угрозыска по Петербургу.

«Две недели назад у меня был подследственный, который в пьяной драке убил собутыльника, — рассказал «Новой-Европа» сотрудник уголовного розыска одного из петербургских управлений МВД Сергей Ч. — С учетом того, что у него уже за плечами два срока лишения свободы, ему почти пожизненное [лишение свободы] грозило. Конечно, услышав про то, что можно написать «признанку», а потом заявление об отправке на войну на три года [и не идти в тюрьму], тот парень сильно обрадовался. Но так как опыт уже имелся (два срока все-таки!), он попросил показать указ, согласно которому ему за некий период службы в Украине полная амнистия выйдет. Так как я такой указ предоставить не смог, он отказался от “признанки” и

сказал, что лучше уж на зоне пожить, чем в Украине в “мясном штурме” сгинуть».

Александр С., полицейский из Санкт-Петербурга, признается, что нововведение властей по вербовке арестованных на войну вызывает у него двойное чувство: «На войну изъявляют желание отправиться именно те, по кому “доказуха” железная. Не понеся наказание, да еще и заимев в своей биографии такой пункт, как “борьба с нацистами”, они частенько, вернувшись домой в отпуск или по ранению, пускаются во все тяжкие. Будучи в уверенности, что даже в случае поимки у них есть шанс избежать наказания, просто снова написав заявление об отправке на СВО».

На могиле Евгения Пригожина на Пороховском кладбище в Санкт-Петербурге, Россия, 30 августа 2023 года. Фото: Анатолий Мальцев / ERF-EFE

Тем не менее, потенциальная выгода в виде хорошей статистики берет верх, и у оперов, по словам Александра, пока доминирует мнение «с глаз долой, из сердца вон», тем более, что

«по факту они не выпускают преступника на свободу, а направляют его в другую юридическую плоскость».

По подсчетам «Верстки», за 2,5 года с начала войны жертвами участников «СВО» стали как минимум 500 граждан России. Экз-заклученные, как следует из подсчета, убивают чаще и чаще совершают преступления против женщин.

Родственники против

Пожалуй, единственная категория людей, которая выступает резко против ухода обвиняемых на войну, — это их близкие.

«Передайте своим родственникам, не надо туда идти, это дорога в один конец. Пусть идут, если только по 105 или износ, остальные уж лучше отсидеть», — пишет Алла Данилина в группе для общения родственников заключенных «ВКонтакте». «Я сына отговорила, он от меня столько матерных слов выслушал, он понятия не имел, что я так умею материться», — отвечает ей Ирина.

«Муж ушел на СВО 7 июля! Не смогли отговорить, завтра хороню, осталось 2 детей! Не пускайте!!!»

В комментариях много похожих историй: «В 20 числах июня с Яблоневки ушло 30 человек на СВО, а 29 или 30 июня только 2 выжили, и то ранены». Многие из родственников, с которыми связывалась «Новая-Европа», сообщали, что их родственники погибли спустя месяцы после отправки на войну.

У Ольги, которая много пишет в группе «Крестов» «ВКонтакте», мужа уже перевели в колонию после приговора, он не пошел на войну. Но туда хотел отправиться его близкий друг, с которым она говорила об этом. «Большой срок, и никто не ждёт [на воле]. На некоторых там дают морально. Не на всех, конечно. Пугают зоной и так далее. Сейчас он наладил контакт с

родственниками и с девушкой, у которой его ребенок. Вроде, не пойдет».

Дмитрий, который написал ходатайство об отправке на фронт из СИЗО еще до приговора, всё-таки передумал идти на войну. «Хочется просто жить и увидеть семью. Про будущее пока не думал».

При участии Максима Леонова

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Возвращайтесь домой убивать](#)

Депутаты озаботились социализацией вернувшихся с войны заключенных, хотя сами приняли закон, дающий оружие в руки убийцам

08:38, 9 июля 2024, Сергей

[«Если вы выявили десятки побегов, то где те, кого вы наказали?»](#)

ФСИН отчиталась о сокращении числа побегов из колоний. Этого на самом деле не произошло

16:32, 6 июля 2024, Сергей